

Количество юбилеев, обрушившихся на наши головы, нарастало столь лавинообразно, что не было никакой возможности отразить все в свое время. И так уж вышло, что о происшествии в Южном Тироле, случившемся в недоброй памяти августе, приходится рассказывать под Новый год. Там, в итальянских Альпах, в маленьком и тихом городе Больцано, где, однако, имеется консерватория, жители говорят на немецком и итальянском, а национальный вопрос как таковой отсутствует, — состоялся 50-й Международный конкурс пианистов имени Ф. Бузони. Естественно, подновогодний рассказ об этом славном, но уже давнем событии не мог не быть особенным. На счастье, в Москву ненадолго заехал из Германии старый любимец "РМГ", пианист и дирижер Игорь Михайлович Жуков, который дебютировал на конкурсе в качестве члена жюри. Что и определило специфический ракурс его впечатлений.

— За долгие годы своей артистической жизни я в жюри не был, не состоял и не стремился. В прошлом году в Больцано сыграл цикл из десяти сонат Скрябина. После концертов меня пригласил на разговор некий господин и предложил подумать о конкурсе. В августе 97-го неожиданно отказался от работы один из членов жюри. Мне позвонили и предложили его заменить. Но я отказался, так как был уже связан другими обязательствами. Через полгода, однако, получил официальное приглашение в жюри юбилейного конкурса от его Президента, директора Консерватории имени Монтеверди Веа Карпи. Я поблагодарил за оказанную честь — и согласился.

Сказать честно, я был удивлен. Члены жюри международных конкурсов — это, фактически, особая корпорация. Что-то типа международной ассоциации судей. У них есть свой значок. Есть подобные специалисты и у нас в России. Помню, во время знакомства один из членов жюри в Больцано спросил меня: "Простите, Вы раньше были на конкурсе? — Нет. — То-то я Вас в наших списках не встречал...". До последнего момента я ждал, что вот позвонят и скажут: "Извините, но обстоятельства изменились". Однако этого не произошло. И я поехал в Больцано.

В жюри конкурса традиционно и неизменно входят 11 человек. На I туре их, однако, собралось только 7. Четверо "грязной работой" заниматься не пожелали. А ее хватало! Было подано 190 заявок. Мы прослушали 110 человек. На это ушло пять дней, прослушивания шли утром, днем и вечером. Надо сказать, что участники оплачивали только проезд, жили же в Больцано за счет консерватории. Поэтому, в целях экономии, съезжались не все скопом, а волнами, ко дню своего выступления. Вначале было 14, 15 человек, кто-то не приехал, но потом — съехались все! И после третьего дня мы работали с утра до упора с одним лишь перерывом...

Регламент конкурса таков: I тур — отборочный; на II проходят 27 человек и играют сольную программу на 20 минут; на III тур (сольная программа 40 минут) отбирается 12 человек; IV тур — шестеро играют классический концерт с оркестром; к финалу (V тур) остаются трое, и они играют с оркестром концерт композитора-романтика или автора XX века. По результатам этого марафона присуждается 6 премий.

Главное, однако, не в регламенте, а в "загадке жюри". Что это такое? Все знают, что загадка есть, сколько уж было всяких конкурсных неясностей, толков, подозрений... Попав не в свой круг, я сразу это почувствовал. Разумеется, многие имена были мне известны, да и мое, полагаю, они тоже слышали. Но я считал и считаю себя исключительно исполнителем. Педагогикой занимался очень мало. Не люблю давать ни оценки, ни указания. Наверное, это и определяет мое особое видение. В каждом из исполнителей — не важно, ученик он или уже мастер — я стараюсь понять главное, его творческий секрет: "как это он делает?" Никогда не смотрю с "высоты своей позиции" — ведь есть и общая, наша, именно исполнительская! Конечно, и для меня многое "нелзя" — но эта планка стоит в каком-то другом месте. "Так нельзя играть Бетховена..." Да кто же это знает? Зато я знаю, что нельзя насилловать инструмент, нельзя не слышать того, что ты сам делаешь и никогда нельзя браться за то, что ты сыграть не можешь. Самое же неприятное — когда человек "вообще играет", а сказать ему нечего. Или вдруг начинает красоваться перед залом, вместо того, чтобы быть благодарным людям за то, что позволили ему играть на публике.

Первые "странности" возникли уже на первом, анонимном туре, где участники выступали под номерами. Один "номер" сыграл пьесу, мой сосед по столу жюри наклоняется ко мне и спрашивает: "Вы слышали записи импрек этой пьесы?". Я сказал, что нет, не слышал. Но понял сразу, что в ушах заткнул эталон. Что слушают не конкурсанта, а сравнивают его игру с эталоном-образцом.

Кстати, позднее выяснилось, что довольно многие участники

приехали сюда из России. Но по манере игры я смог "вычислить" лишь двоих, а третьего просто случайно узнал в лицо, так как знал его еще ребенком...

Официально, по регламенту члены жюри не имеют права общаться с теми конкурсантами, которые проходят дальше. На практике это довольно часто нарушалось. Я же отговаривался как-нибудь (дешат, оставил записи в номере или потом, в Москве поговорим). Вообще же на первом туре удручало одно и то же: грохот, игра "ни о чем", по принципу "бери больше — кидай дальше"... Три раза играли "Вальс" Равеля. Я сам играю его, но моментами не узнавал музыки! "Что-то знакомое, но совсем не то"... вне критики, в другой какой-то стороне.

Одну итальянку я принял за нашу. Сонаты Скларлатти она играла великолепно! На конкурсе его имени была бы вне конкуренции. Яркий, четкий звук, непоказушая виртуозность, живое, неформальное общение с инструментом... словом, попала в точку! Но это и был ее узкий коридор: Брамса на втором туре она просто не потянула.

Вообще, программа I тура показалась мне несколько архаичной: что-нибудь из этюдов Листа (Трансцендентных или по Паганини) и пьеса по выбору. "Дикую охоту" многие играли диким же звуком. Меньше играли "Метель", немного — "Кампанеллу"... Но никто (!) не играл "Кампанеллу" в транскрипции Бузони — это на конкурсе Бузони! Даже будущий фаворит, машинный виртуоз, за весь конкурс ни разу не смазавший, не зацепивший... впрочем,

## Рос. муз. газета. — 1998. — № 12. — С. 6 Картины с конкурса

ощущения живой виртуозности от его игры не было.

...По окончании I тура у меня было проходного балла наблюдалось 15 (а не 27) человек. В общем же баланс жюри таковых оказалось 37. Значит, десяток надо отсеять. Что и было сделано по среднему баллу.

...В один из последних дней отбора то ли японец, то ли кореец играл "Данте-сонату" Листа. До этого она звучала раза два — никак, грохот и ничего больше. Я вообще не очень люблю эту сонату, но тут поймал себя на мысли, что слушаю его! Есть какая-то мысль, что-то делает... По иронии судьбы на последнее, 27-е место претендовали трое с одинаковым баллом. Значит, надо голосовать. До того я перекинулся словечком с одним из членов жюри: "А ведь "Данте-соната" на что-то похожа! — Да, да. Молодец!" И вот голосование, каждый пишет на бумаге № своего избранныка. Случайно я оказался рядом с моим предыдущим собеседником и увидел, что он пишет совсем другой №! Принадлежавший тому, кто, на мой взгляд, вообще бездарен. Но он и пошел дальше. После того, как объявили результаты, можно и поговорить. Так, ни о чем, не о музыке, а "что я видел"... И тот же член жюри вдруг говорит: "Жаль, что японец не прошел. Как хорошо сыграл он сонату Листа! — Позволь, но ты же голосовал против? — Да. Но "мой" — играл Хиндемита. А я Хиндемита люблю. За него и проголосовал". За Хиндемита?!

Ко II туру подъехали еще четверо членов жюри. Целый ряд конкурсантов с высоким для I тура баллом сыграли в основном на том же уровне. Но вдруг — посыпались неимоверно низкие баллы!

...Кто-то играет f-moll'ную сонату Шопена. Пишу записку: "Своеобразная форма плагиата: взять мелодию и гармонию Шопена, а потом сделать совсем не то!". Получаю ответ: "Ну что Вы, она хорошо играет". Я рисую ноты Шопена (пару тактов) и указываю, что делает и чего не делает. Ответ: "Но этого ведь никто не играет!"...

...Одна японка уже на первом туре играла с упоением, с удовольствием, с большой отдачей. Естественно, сию, слушаю, говорю: "Хорошая девочка, правда?". В ответ: "Ну да, я ее знаю. Она хорошо научена" (с пренебрежением). Или другая реплика: "Какой ужас! Разве это Брамс?"...

С другой стороны, на III — уже финальном — туре одна из конкурсанток играла Бетховена. Какой это был Хаммер-клавир — кувалда! Не хотел бы я встретиться с этой девушкой на улице... Но на обсуждении услышал упоенное: "С каким риском она играет!" Потом, по окончании конкурса, этот член жюри поздравлял ее с особой теплотой. Подозрения, возникающие в зале и кулуарах конкурсов, подтверждались.

Дело не только в разнице вкусов. Но я всегда готов уважать

настоящий профессионализм и настоящую концепцию.

...Один из участников играл уже не раз звучавшие Вариации Брамса на темы Паганини. Причем обе тетради и в компановке Микельанджели. Играл последним в своем "заходе". И едва отошел от рояля, как в жюри поднялся гвалт: "Святотатство! За такие вещи гнать надо в шею! Кто он и кто Микельанджели! Нарушение условий конкурса!". Старый музыковед, председатель жюри, предложил голосовать. Я сказал, что есть более важные темы для дискуссий, и вышел. При голосовании конкурсанта, который был безусловно "на уровне", — вызывающе прокатили. Значит, члены жюри заранее не любили этого исполнителя!

К тому времени я контактировал кое с кем из публики — из тех, кто слышал меня здесь год назад. И вот удалось раздобыть диск победителя конкурса Бузони двухлетней давности, Александра Штаркмана. И на этом диске были записаны Вариации Брамса в компановке Микельанджели! Диск этот я вручил (с комментариями) президенту конкурса. Она была удручена...

IV тур, на котором игрались концерты Моцарта или Бетховена, обнаружил несостоятельность большинства — даже тех, кто на предыдущих турах играл вполне прилично. И только один из них — тридцатидвулетний слепой итальянец — прошел все туры без тени снисхождения. Это действительно своеобразный музыкант со своим звуком, своим ощущением рояля, особым чувством пространства. Его Четвертый концерт Бетховена стал для меня каким-то открытием. Я услышал не привычное "журчанье ручейков", окно в романтизм, обрамленное виньеткиами, — а мощные акценты, рубленый ритм, мужественный, непохожий на себя же оркестр. Но на пятый тур он не попал!

В жюри я услышал: "Я побывал уже более чем на 30 конкурсах, и ни на одном классический концерт никто не сыграл хорошо..." Тогда зачем все это? Раз "всегда так" — значит, "ясно"? С последней тройкой, с победителями расклад был ясен заранее...

К юбилейному конкурсу была издана книга о всех предыдущих. Из нее я узнал, что весьма часто не присуждалась ни I, ни II премия. Для меня было ясно, что не было их и на этот раз. Все играли примерно на одном уровне. Для присуждения I премии требуется 10 голосов "за" из 11. Я решил, что буду голосовать против, а остальное — как получится.

При закрытом голосовании 7 из 11 членов жюри решили, что I премии нет (а баллы-то какие высокие некоторым ставили!). Значит, правда все-таки есть на свете?

...Слепой получил последнюю, шестую премию, разделив ее с неопытным мальчиком-немцем. Но было еще и слушательское жюри. В опросных листах, собранных в зале, слепой с громадным отрывом победил.

Когда объявили, что I премия не присуждена (это на юбилейном конкурсе!) — зал разразился овацией.

Были разговоры, что вот, прошло полсотни конкурсов, и надо что-то менять и в статусе, и в регламенте. Президент попросил меня высказаться. Я предложил не проводить конкурс каждый год. Может быть, учредить "Гран при" Бузони — ведь на главный приз претендентов может и не быть, но как же вообще без I и II премий? Программу можно было бы упростить, скажем, так: "на I туре в течение 15 минут играет одна виртуозная и одна лирическая пьеса по выбору". Конечно, странно на конкурсе Бузони обходиться без транскрипций. А вот этюды не нужны вообще: сейчас все умеют "шпилять". Пианиссимо, кантилену сыграть — это другое дело... Наконец, вместо "Хорошо темперированного клавира" стоит сделать обязательным что-то из Баха, что поможет выявить, кто есть кто.

Что здесь будет дальше, я не знаю. Сам же в жюри участвовать более не намерен.

Я спросил Жукова: "Так, может, такие большие конкурсы вообще устарели и не нужны?".

— Я разговаривал с некоторыми "отсеянными" участниками. И кое-что понял. Обилие конкурсов в мире породило обилие конкурсантов — тех, кто ездит, кочует по конкурсам. При этом никакой селекции не происходит. Просто для толкового человека получить ангажемент можно только с хорошим "тылом" в жюри конкурсов: на многих из них в числе наград фигурируют концертные туры по разным странам, с разными сроками. Многие говорили, что конкурс для них — просто возможность лишний раз сыграть на публике. Других — нет! А потом, глядишь, где-нибудь да выиграешь, получишь премию, гастроль, года два можно будет нормально жить и работать. Система конкурсов стала чем-то вроде биржи труда для музыкантов. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для искусства и настоящего творчества...

С. И. М. ЖУКОВЫМ БЕСЕДОВАЛ С. Ю. РУМЯНЦЕВ.